

MyLieSmile
**Пламя
огненного
дракона**

18+

MyLieSmile MyLieSmile

Пламя огненного дракона

<https://litres.ru/74413242>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он - король эльфов, она - вожак многоликих. Судьба разведет их, но магия соединит их жизни, давая шанс. Воспользуются они им или нет? Под натиском врагов, под осуждением знати. Пойдут ли они на жертвы ради друг друга?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	21

MyLieSmile

Пламя огненного дракона

Глава 1

Король лесных эльфов погиб от рук орков в лесу, когда отправился на обычную прогулку — без стражи, без пышной свиты, как он делал порой, чтобы почувствовать себя просто эльфом, а не правителем. Он любил бродить по опушкам, где солнечные лучи пробивались сквозь кроны и рассыпались золотыми искрами по мху, слушать, как шепчутся деревья, и вдыхать запах смолы и влажной земли. Никто не ожидал нападения: орки давно были изгнаны в мёртвые земли, и мысль о том, что они могли вернуться, казалась нелепой, почти смешной. Но следы на земле не лгали: грубые отпечатки волчьих лап, сломанные ветви, тёмные пятна, которые не смыл даже ночной дождь и запах, заставляющий кровь стынуть. Минелан узнал о гибели отца от гонца, который примчался во дворец, едва переводя дух. Сначала принц не поверил — в голове не укладывалось, что тот, кто всегда казался несокрушимым, мог просто исчезнуть, раствориться в лесной тишине. Шок сковывал движения, делал голос чужим, а мысли — разрозненными и острыми, как осколки стекла. Он застыл посреди коридора, и мир вокруг будто

поблёк, потерял краски, оставив лишь серый, давящий фон. Орки в их лесах — это звучало как дурная шутка, как нелепый сюжет из детских страшилок, которые рассказывают у костра. Внешность Минелана была примечательной: высокий, статный эльф с белоснежными волосами, струящимися по плечам, и изумрудными глазами — такими яркими, что казалось, в них отражается вся зелень королевства. По мужской линии у всех в их семейном древе были такие глаза; это был знак рода, его живая печать. В чертах его лица читалась благородная утончённость, но в улыбке порой проскальзывало что-то мальчишеское — то самое ребячество, которое отец никогда не стремился в нём подавить. Он был достаточно мудрым для своих лет, умел слушать и взвешивать решения, но при этом не утратил способности радоваться простым вещам: первому снегу, удачной шутке, долгой прогулке под дождём. Рядом с ним в кабинете был Элионт — его друг детства. Шатен с карими глазами и приятной, открытой внешностью, он выглядел так, словно был рождён для того, чтобы успокаивать тревожных и подбадривать упавших духом. Элионт был простолюдином, и их дружба поначалу вызвала перешёптывания при дворе. Но отец Минелана, заметив, как искренне мальчишки тянутся друг к другу, как защищают друг друга в детских ссорах, не стал препятствовать. Он пустил Элионта во дворец, дал ему возможность учиться, видеть мир шире, чем позволяла его изначальная судьба. Для короля важнее была искренность, чем родослов-

ная. Королевство эльфов раскинулось широко и величаво. Огромная площадь перед дворцом была вымощена камнем, который в лучах солнца отливал мягким серебристым светом. Сам Изумрудный дворец, названный так не только за цвет витражей, но и за то, что его стены словно впитывали оттенок глаз правящей династии, возвышался над окрестностями, будто вырос из самой земли. Его башни тянулись к небу, а окна ловили и преломляли свет, создавая вокруг здания лёгкое мерцание.

— Собери отряд. Мы отправим этих уродов туда, где им место, — резко произнёс Минелан, и в его голосе прозвучала та самая сталь, которой раньше там почти не было. Элионт моментально отправился выполнять приказ. Он знал: когда голос друга становится таким, спорить бесполезно, да и не нужно — сейчас требовались действия, а не слова. Лорентир, советник погибшего короля, был убит горем, когда узнал о смерти своего повелителя. Он прослужил ему верой и правдой долгие годы, видел, как тот вырос, как становился королём, как учился балансировать между мягкостью и твёрдостью. Стены дворца, которые когда-то казались надёжной защитой, теперь давили, напоминая о том, чего больше нет.

— Отпустите меня, Ваше Высочество. Эти стены стали для меня обузой, когда ваш отец был убит, — умолял он Минелана, и в его глазах стояли слёзы, которые он не стыдился показывать.

— Я выполню твоё желание, Лорентир, если оно не покинет тебя. Прошу тебя подумать неделю, — рассудил король, стараясь говорить спокойно, хотя внутри всё дрожало от горя и гнева. Затем он отправился во двор к отряду. Эльфы быстро собрались, оседлали лошадей и двинулись в лес. Они выгнали орков со своих земель и погнали их к реке Разделения. Эта река была грозной и бушующей: её течение было невероятно сильным, вода пенилась и ревела, разбиваясь о скалы, а воздух над ней дрожал от напряжения. Она разделяла континент на две части: с одной стороны лежали плодородные, живые земли, наполненные светом и жизнью, с другой — мёртвые земли, где даже ветер звучал иначе, глухо и безнадёжно. Думая, что орки оказались в западне, эльфы очень удивились, когда те с помощью магии смогли преодолеть реку. Волна тёмной энергии прокатилась над водой, на мгновение умирив течение, и орки перебрались на другой берег с пугающей лёгкостью. Эльфы осадили лошадей, чувствуя, как уверенность сменяется тревогой.

— Значит, на их стороне кто-то с магическими способностями, — догадался Элионт, хмуро глядя на противоположный берег.

— С очень сильными магическими способностями, — поправил его Минелан, сжимая поводья так, что костяшки пальцев побелели. В этот момент он ощутил, как внутри него просыпается собственная магия — она рвалась наружу, пульсировала в висках, требовала выхода. Он едва мог

ей управлять, чувствовал, как она царапает изнутри, словно дикий зверь, запертый в клетке. Но аура Элионта, его тихое, ровное присутствие рядом, действовала на него успокаивающе. Король смог сохранить контроль, но понимал: неясно, что будет в следующий раз. Обратно во дворец Минелан ехал очень задумчивый. Пока рядом был отец, который словно всегда знал, что делать, будущее казалось простым и понятным: есть традиции, есть долг, есть путь, по которому идут поколения. Сейчас впереди была неизвестность, пугающая своей пустотой, и от этого становилось холодно, несмотря на тёплый солнечный день. В кабинете их уже ждал Лорентир. Он объявил, что не уйдёт со службы, пока не поймёт, что Минелан справляется со всем.

— Я не брошу молодого короля, — сказал он твёрдо, и в его словах прозвучала та верность, которая не нуждается в красивых фразах. Кабинет, в котором они находились, раньше принадлежал отцу Минелана. Здесь всё напоминало о нём: массивный стол из тёмного дерева, на котором лежали стопки свитков, кресло с резной спинкой, карта королевства на стене, испещрённая пометками. Минелан чувствовал себя тут чужим — словно он занял место, которое ещё не заслужил, надел мантию, которая пока слишком велика. Он сел в отцовское кресло, ощущая, как тяжесть ответственности давит на плечи, и невольно выпрямился, будто пытаясь соответствовать этому месту. Элионт остался у дверей. Он не совсем понимал своё положение: он простолюдин, и хотя

благодаря покойному королю его нахождение во дворце было неоспоримым, теперь всё изменилось. Его друг стал королём — пусть церемония ещё не прошла, это был лишь вопрос времени. И Элионт не знал, как дальше сложится его судьба, не знал, останется ли он здесь или будет вынужден отступить в тень, уступая место тем, чьё происхождение считалось более достойным.

— Какие новости? — без особого желания спросил Минелан. Он уже предчувствовал, что ничего лёгкого и утешительного сейчас не услышит.

— Во-первых, Элионт не может оставаться возле вас. Теперь вы монарх — первое лицо королевства. Знать взбунтуется против вашей дружбы. А сейчас её не стоит лишний раз тревожить, поскольку... — Лорентир замолчал, подбирая слова, которые могли бы смягчить удар. Атмосфера в кабинете стала тяжёлой, густой, словно воздух пропитался свинцом. Решения, которые определяли судьбы людей, приходилось принимать уже сейчас — в тот момент, когда всего несколько часов назад Минелан был беззаботным принцем, который мог позволить себе смеяться над шутками Элионта и не думать о том, как его поступки отразятся на всём королевстве. Мысль о том, что он может лишиться друга, была настолько болезненной, что хотелось закрыть уши и закричать: «Нет, не надо, оставьте всё как есть!» Но он лишь крепче сжал подлокотники кресла и заставил себя дышать ровно.

— Поскольку? — всё же произнёс Минелан, хотя очень не

хотел слышать продолжение. — Поскольку ваш брак с особой из знати не будет осуществлен. Минелан напрягся, вспоминая имя. — Я думал, уже всё решено. Я беру в жёны... Лиарель, кажется. Дочь одного из советников. Всё как велит обычай, — произнёс он отрешённо, глядя в окно, за которым небо постепенно затягивалось серыми тучами. Он говорил это столь буднично, как будто выбирал себе блюдо на завтрак, но за этой маской равнодушия скрывалась растерянность.

— Да, так и было всегда. Но ваш отец заключил договор с верховным магом Веларионом, — объяснил Лорентир.

— Он не хотел торопить вас, не говорил об этом, да и Веларион больше против, чем за такого решения. Однако магический шар предсказал, что союз с дочерью верховного мага благосклонно скажется на вашей судьбе и судьбе всего магического мира. Её магия защиты берёт своё начало от самой земли. Она невероятная и сильная. Сама эльфийка очень талантлива и сможет уберечь вас в случае непредвиденных магических всплесков.

— Уберечь меня? Или весь остальной мир? — грубо задал риторический вопрос Минелан, и его голос прозвучал резче, чем он планировал. Возникла пауза — тягучая, неловкая, наполненная невысказанными мыслями. Слишком много информации обрушилось на него сразу, и каждая деталь круто меняла его жизнь, лишала выбора, превращала его будущее в заранее расчерченную карту, на которой не оставалось ме-

ста для собственных желаний. Король встал, резко отодвинув кресло. Звук пронёсся по комнате, словно треск льда.

— Я назначаю Элионта своим главным советником. Собери совет знати, мы должны объявить им обе новости. Элионт едва удержался на ногах от этой новости. Он побледнел, в его карих глазах отразилась смесь благодарности и ужаса перед тем, что это назначение может принести.

— Минелан, я не имею права быть твоим главным советником. У меня нет имени и рода, и, главное, на эту роль уже назначен преемник, — возразил он, стараясь говорить спокойно, но голос предательски дрогнул.

— Ну раз обстоятельства решают мою судьбу, то я хотя бы выберу, кто будет рядом со мной плечом к плечу противостоять невздам. И ты лучший для этой роли, — ответил Минелан твёрдо, глядя прямо в глаза другу. В его взгляде не было ни сомнений, ни колебаний — только решимость эльфа, который, теряя многое, пытается сохранить хотя бы самое важное. Лорентир открыл рот, чтобы возразить, но почувствовал, что никакие доводы не остановят короля. Он понял: перед ним уже не мальчик, а правитель, готовый нести бремя своего выбора. Старый эльф поклонился и вышел. В своём кабинете он отправил письмо Велариону, сообщая о предстоящей коронации Минелана и о том, чтобы верховный маг приготовил всё для союза, о котором было оговорено ранее. Также он подготовил всё для собрания знати и назначил его в ближайшее возможное время. Закончив дела, старый

эльф откинулся в кресле и закрыл глаза. Он совершенно не понимал, как теперь будет идти жизнь во дворце, какие бури принесёт новое время, и от этой неизвестности на сердце становилось тяжело. Но он знал одно: пока молодой король держится за свою дружбу и свою волю, у королевства ещё есть шанс остаться собой.

Глава 2

Глава 2

Похороны короля лесных эльфов проходили на рассвете, когда небо обычно наливается мягким золотистым светом, обещая ясный, тёплый день. Но природа, казалось, решила отзеркалить горе эльфов: едва процессия двинулась к древнему некрополю, где под вековыми дубами покоились прежние правители, солнце скрылось за плотной пеленой туч. Воздух стал тяжёлым, душным, а потом стеной пошёл дождь — холодный, безжалостный, размывающий очертания фигур в траурных одеждах. Капли стучали по камням, по листьям, по крышам, и этот монотонный гул заглушал даже тихие всхлипы.

Минелан шёл впереди, с трудом переставляя ноги. Он был разбит — не просто скорбел, а будто рассыпался изнутри на тысячи осколков, каждый из которых резал его снова и снова. Ему хотелось закричать, чтобы заглушить эту звенящую пустоту, но он лишь стискивал зубы, заставляя себя держаться прямо. В голове билась нелепая мысль: «Если я согнусь, если дам слабину, всё рухнет окончательно». Он смотрел на гроб, который несли самые верные воины отца, и не мог поверить, что внутри — тот, кто всегда знал, как поступить, кто умел одним взглядом успокоить и одним словом расставить всё по местам.

Лорентир шёл чуть позади, и ему было невыносимо. Он не мог смириться с мыслью, что короля больше нет, — даже труп, накрытый парадным плащом с вышитым гербом, не убеждал его. В этом неподвижном теле не было ничего от того живого, мудрого правителя, которого он знал; оно казалось лишь пустой оболочкой, насмешкой над величием ушедшего. Лорентир то и дело ловил себя на том, что ждёт, как король откроет глаза, повернёт голову, усмехнётся, скажет что-то язвительное, но реальность возвращалась с каждым новым ударом дождя о камень.

После похорон королевство ещё несколько дней было словно умершим. Звуки стали тише, шаги — осторожнее, голоса — сдержаннее. Горе захлестнуло всех: от стражников у ворот до самых дальних деревень, где эльфы складывали у своих дверей венки из лесных цветов. А потом горе сменилось страхом неизвестности. Новый король — новые правила. Народ замер, словно перед прыжком в тёмную воду, не зная, что ждёт на дне.

Все знали о том, что Минелан родился с невероятно сильным магическим даром. Эта сила убила его мать при родах, разорвав её хрупкую жизнь в клочья, оставив новорождённого эльфа с проклятием, которое он не мог ни сбросить, ни приручить. В моменты эмоциональной нестабильности магия вырывалась наружу — то холодом, от которого замер-

зали цветы, то вспышками света, оставлявшими на стенах чёрные следы. С возрастом Минелан редко покидал дворец, чтобы лишний раз не волновать себя и не подвергать опасности других. Он стал пленником в собственном королевстве. Балы и торжества почти не устраивались — король старался минимизировать присутствие чужих в своём доме, и лесное королевство словно закрылось от всего социума, отгородилось живой изгородью и тишиной.

Только сейчас Минелан по-настоящему это понял, когда получил несколько сухих писем с соболезнаваниями. Ни один из тех, с кем отец когда-то вёл переговоры, ни один из «друзей» двора не приехал на похороны. Его отец, желая защитить сына, провёл чёткую черту между своей семьёй и всем миром — и теперь эта черта обернулась одиночеством. Минелан чувствовал стыд за свою неспособность управлять магией, за то, что из-за него королевство стало таким замкнутым, таким чужим для остальных.

День коронации пришёл быстро — слишком быстро, будто кто-то резко перелистнул страницу книги, не дав дочитать предыдущую главу. Зал коронации был величественным и холодным: высокие своды терялись в полумраке, витражи отбрасывали на пол цветные пятна, которые казались чужими на фоне общей серости. Стены украшали гобелены с изображениями предков, и казалось, что их глаза следят за каждым, кто осмелится ступить на этот путь. В воздухе витал

запах ладана и воска, тяжёлый и душный.

Знать пришла вся — в роскошных нарядах, с фамильными драгоценностями, сверкающими в свете сотен свечей. Они держались группами, переговаривались вполголоса, бросали оценивающие взгляды на молодого короля. В их глазах читалось не столько почтение, сколько расчёт: они прикидывали, насколько он будет уступчив, насколько поддастся их влиянию, какие выгоды можно извлечь из его молодости и неопытности.

Среди них была и Лиарель, пришедшая вместе с отцом. Её рыжие волосы, уложенные в сложную причёску, вспыхивали в полумраке зала, словно языки пламени, а живые зелёные глаза то и дело искали взглядом будущего мужа. Она волновалась — её всю жизнь готовили к этому: быть королевой, женой короля, опорой трона. Она хотела исполнить волю знати, хотела оправдать ожидания, но в глубине души боялась, что не справится, что окажется слишком обычной для такой судьбы. В её движениях чувствовалась выученная грация, но пальцы то и дело нервно теребили край платья, выдавая внутреннее напряжение.

Состояние Минелана было сродни оцепенению. Внутри него царила растерянность, а тяжесть мыслей давила на плечи, словно мантия, сотканная из свинца. Он чувствовал себя актёром, которому дали роль, не объяснив ни сюжета, ни характера героя. Ему хотелось развернуться и уйти, оставить

всё это тем, кому такие игры привычны, но он знал: пути назад нет.

Когда церемония началась, по рядам знати прокатилась волна возмущения — тихая, но ощутимая, как подземный толчок. Все увидели рядом с тронном Элионта. Простолюдин, друг детства, стоял там, где по всем правилам должен был находиться представитель древнего рода. Перешёптывания стали громче, брови поднимались, взгляды становились всё более холодными и оценивающими. Для знати это был вызов, почти оскорбление, знак того, что новый король не намерен играть по их правилам.

Атмосфера в зале была напряжённой, тяжёлой, словно воздух загустел и стал трудно дышать. Каждый звук — шорох платья, стук каблука, тихий кашель — звучал неестественно громко. Церемония шла своим чередом: произносились древние слова, на голову Минелана возлагалась корона, тяжёлые ткани мантии ложились на плечи. Но за внешней торжественностью скрывалось напряжение, готовое прорваться в любой момент.

В конце церемонии тяжёлые двери распахнулись, и все на мгновение обернулись от неожиданности. В зал вошёл верховный маг. Высокий, статный, с длинными тёмными волосами, свободно ниспадающими на плечи, он выглядел так, будто сам был частью этой древней архитектуры. Его глаза,

цвета ночного неба, были глубокими и непроницаемыми, в них не было ни сочувствия, ни любопытства — лишь холодная оценка происходящего. Он встал у стены в дальнем конце зала и замер, не привлекая к себе лишнего внимания, но и не прячась.

Лорентир заметил его и едва заметно кивнул. Верховный маг ответил коротким взглядом. Советник не ждал Велариона на церемонию и был удивлён его появлением, но быстро понял: он лично хотел познакомиться с королём прежде, чем отдавать свою дочь замуж.

Когда церемония закончилась и все необходимые формальности были соблюдены, Минелан вышел на балкон. Свежий воздух, пахнувший дождём и влажной листвой, немного успокоил его, остудил жар, который поднимался от напряжения в зале. Элионт вышел следом, молча встал рядом, не нарушая тишины, но своим присутствием давая ту самую опору, которая сейчас была так нужна.

— Верховный маг не предупредил о своём визите, — подметил Элионт, глядя вдаль, туда, где лес сливался с горизонтом.

— Они всегда делают, как считают нужным. Ничто их не останавливает: ни приличия, ни чужие страдания. Отец не зря недолюбливал весь этот верховный сброд, — процедил Минелан, и в его голосе прозвучала горечь, копившаяся годами.

Он чувствовал груз ответственности — тяжёлый, неизбежный, — но вместе с тем и некую свободу, словно, сделав первый шаг по новому пути, он уже изменил что-то важное. Он уже измерил мир по-своему, оставив рядом с собой Элионта вопреки всем традициям и ожиданиям.

На балкон вошёл Лорентир.

— Верховный маг просит аудиенции завтра. Я выделил ему комнату, чтобы отдохнул с дороги, — сказал советник обычным тоном, но в его голосе чувствовалась неприязнь, едва заметная, но отчётливая.

У лесных эльфов был веский повод недолюбливать верховных магов. Да, туда отбирались самые талантливые и способные, чтобы нести защиту магии и сохранять равновесие. И никто не был против такого положения дел — пока предсказание Велариона не повлекло за собой страшную трагедию. Верховный маг увидел в магическом шаре, что сын монархов степных эльфов принесёт разрушение в мир. Степные эльфы, покорные традициям и уважающие слово магов, послушались. Их сын был сброшен со скалы Познания в реку Разделения — в ту самую, что разделяла континент на живые и мёртвые земли.

Минелан лишь слышал эту историю, поскольку всё случилось до его рождения. Он не мог знать, как пережили это Торен и Сильвия Аэлин — король и королева степных эль-

фов, как они находили силы просыпаться по утрам и смотреть друг другу в глаза. Позже у них родился ещё один сын. Правда, у него совершенно не было таланта к магии. Он был на год младше Минелана, но принцы пересекались всего пару раз. Минелан лишь помнил его сухой, серый образ и глаза небесного цвета — такие светлые, что казались почти прозрачными.

Стоя на балконе, среди остатков траура и предчувствия новых бурь, Минелан вдруг подумал, что мир устроен слишком жестоко к тем, кто рождается с силой. Но он решил, что, по крайней мере, сам не станет слепо верить пророчествам и чужим страхам. Это было его первое осознанное решение как короля — и от него веяло одновременно надеждой и опасностью.

Глава 3

Глава 3

Утро наступило быстро, будто ночь, и без того короткая в эти тревожные дни, вовсе не успела опуститься на королевство — лишь на мгновение прикрыла его тёмным покрывалом и тут же отступила. Когда Минелан вошёл в зал для аудиенций, Веларион уже стоял там — прямой, неподвижный, словно высеченный из камня. Он не поклонился, как того требовал этикет, и даже не поздоровался, будто сам факт его присутствия уже был достаточной формой общения.

Король молча проследовал до своего кресла в центре зала. Внутри всё сжималось, хотелось съежиться под тяжёлым взглядом верховного мага, почувствовать себя маленьким принцем, за которого всё решит отец. Но Минелан устоял. Его спокойствие было напускным, выстроенным по кирпичику из остатков гордости и упрямства: он неторопливо расправил складки мантии, чуть поправил корону, сделал медленный вдох и лишь потом сел — так размеренно и невозмутимо, словно у него впереди был не судьбоносный разговор, а обычная утренняя беседа. На деле же сердце колотилось так, что казалось, его стук разносится по всему залу, а ладони предательски вспотели.

— Я приехал лично, чтобы обсудить некоторые детали и убедиться, что... — Веларион запнулся, не подобрав слов. Покойный король не писал ему о том, чтобы заключить брак, и каждый день, когда письмо не приходило, давал магу робкую надежду, что этого союза не будет вовсе.

— Обсудить детали брака? — переспросил Минелан требовательным тоном. Его возмутило само это заявление — как будто в этой ситуации вообще что-то можно было обсуждать, как будто у него был выбор, а не заранее расписанная кем-то чужая воля.

— Это не простой брак, — произнёс маг серьёзно, и от его тона воздух в зале будто стал плотнее, тяжелее. Минелан сам невольно напрягся, чувствуя, как по спине пробежал неприятный холодок.

— Хотелось бы подробностей, — коротко бросил он, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, а не дрожал от нарастающей тревоги.

Веларион закатил глаза — но больше показательно, чем искренне. За этим жестом скрывалась глубокая усталость и горечь. Он был очень расстроен тем, как стремительно решалась судьба его дочери: магия покойного короля каким-то

образом обуздывала силу Минелана, сглаживала её острые углы, а сейчас юноша остался без этого невидимого щита, без надзора. При этом ни одно предсказание не было против самого Минелана, поэтому лишить его жизни не представлялось возможным. И всё же, стоя здесь и понимая, что вынужден проститься с дочерью навсегда, Веларион поймал себя на мысли, что смерть Минелана расстроила бы его куда меньше, чем отъезд его дочери.

— Это не просто брак. Вы заключите магический союз, который подарит баланс между вашими силами. Таким образом, твоя сила станет подконтрольной. Но магический союз нерушим и не терпит предательства. Если ты думаешь, что вы просто будете существовать на одном континенте, то нет. Вам нужно будет поладить, проводить много времени вместе. Искренность — главное в магическом союзе.

По взгляду Минелана маг понял, что только сейчас тот осознал всю суть происходящего. До этого король, похоже, строил совсем другие планы: официальная церемония, пышный бал, а дальше — отселить эльфийку в дальние покои и видеть не чаще, чем раз в месяц, и то случайно, лишь мельком сталкиваясь в коридорах дворца.

— Видимо, у тебя были другие планы, — с горькой усмешкой произнёс Веларион, и в его голосе прозвучала та

самая усталость человека, который давно смирился с неизбежным, но так и не принял его сердцем.

— А если... — слова повисли в воздухе, оборванные нерешительностью. Король выглядел растерянным, даже испуганным — впервые за долгое время маска невозмутимости сползла с его лица, обнажив то, что он обычно прятал: страх перед собственной силой и перед тем, что она может сделать с теми, кто окажется рядом.

— Если вы не поладите? — уточнил Веларион ровным, почти безжизненным тоном. — Магия убьёт того, кто слабее.

— Очень рискованно, — заметил Минелан, и это слово прозвучало до нелепого буднично на фоне той бездны, которую оно обозначало.

— Да. Я бы не хотел, чтобы моя дочь приближалась к тебе. Однако твоя сила очень велика: ты обладаешь сразу несколькими стихийными способностями. Это редкий дар. Ты сможешь защитить магический мир, если придёт нужда. А она придёт. Орки вылезли из мёртвых земель. На их стороне тёмный эльф. Его сила велика. Я не знаю, кто его цель и чего он хочет, но, думаю, совсем скоро он начнёт действовать.

— Я буду противостоять ему? — произнёс Минелан, слов-

но не веря собственным словам. Мысль о том, что ему придётся встать на пути какой-то неведомой угрозы, казалась абсурдной, особенно учитывая, что он едва мог совладать с собственной магией в минуты гнева или страха. — Я не управляю своей магией, — добавил он тихо, почти шёпотом, признаваясь в том, в чём редко кому-либо сознавался.

— Для этого тебе и нужна моя дочь, — с грустью в голосе произнёс Веларион. В этом признании не было ни торжества, ни высокомерия — лишь тихая обречённость отца, который вынужден отдать самое дорогое ради спасения мира.

Снова повисло молчание — тягучее, плотное, наполненное невысказанными страхами и горькими правдами. Атмосфера в зале сгушалась, словно перед грозой: воздух стал тяжёлым, влажным, будто сама комната предчувствовала надвигающуюся бурю — не небесную, а ту, что рождается в судьбах людей. Минелан чувствовал, что не готов к своей судьбе, что его словно бросили в ледяную реку, не научив плавать. Ему хотелось закричать, потребовать, чтобы всё вернули назад, чтобы отец снова был здесь и сказал, как поступить. Но вместо этого он лишь крепче сжал подлокотники кресла, до побелевших костяшек, будто они могли удержать его на месте, не дать сорваться в панику.

— Мы отправимся в крепость верховных магов завтра. Я

проведу церемонию магического союза, затем ты... — маг осёкся, подбирая слова, которые не могли смягчить того, что он хотел сказать. — С моей дочерью покинете крепость. Надеюсь, тут ей тоже будет хорошо, — Веларион огляделся, словно оценивая обстановку, но в этом жесте не было интереса — лишь формальность, попытка сделать вид, что ему всё равно.

— Всё так стремительно. Я не успеваю переключаться, — честно ответил король, и в этой простоте, в отсутствии пафоса и горделивых слов было что-то настолько искреннее, что даже Веларион на мгновение замер, будто увидел в Минелане не будущего зятя и носителя разрушительной силы, а просто молодого эльфа, которого жизнь слишком рано заставила стать взрослым.

Верховный маг лишь отвернулся, не желая больше смотреть на эльфа, который отбирал у него дочь. Он вышел из зала и направился в библиотеку, чтобы скоротать день среди пыльных томов и забытых заклинаний — там, где тишина не задавала вопросов и не требовала ответов.

Минелан так и остался сидеть в зале для аудиенций. Он не знал, сколько времени провёл в нём, совершенно один, без единой мысли в голове — словно все чувства и слова покинули его, оставив лишь звенящую пустоту. Он смотрел пе-

ред собой, на узорчатый пол, на блики света, скользящие по стенам, и пытался осознать, что с этого момента его жизнь больше не принадлежит ему. Она стала частью чего-то большего, пугающего и неизбежного.